

Халикова Н. В. Образ предмета исследования в дискуссиях о русском языке советского периода (к вопросу об образности как лингвостилистической категории научного текста) / Н. В. Халикова, О. В. Никитин // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 147—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161.

Khalikova, N. V., Nikitin, O. V. (2021). Image of Subject of Research in Discussions on the Russian of Soviet Period (Imagery as a Linguistic and Stylistic Category of a Scientific Text). *Nauchnyi dialog*, 2: 147-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161. (In Russ.).

УДК 811.161.1'373.612.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161

ОБРАЗ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИСКУССИЯХ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗНОСТИ КАК ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА)

© **Халикова Наталья Владимировна (2021)**, orcid.org/0000-0003-4415-8179, доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Мытищи, Россия), nathalik@mail.ru.

© **Никитин Олег Викторович (2021)**, orcid.org/0000-0003-2815-6691, Scopus AuthorID 57209316536, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия) olnikitin@yandex.ru.

Образность рассматривается как скрытая лингвостилистическая категория научного текста, экспликация которой зависит от особенностей индивидуальной речевой культуры и времени осмысления проблемы. Показана связь научного мышления и образности текста. Определено, что образность научного текста в отличие от художественного не связана с репродуктивным регистром речи, формируется двумя лингвостилистическими категориями: образом субъекта познания и, по выражению Ю.В. Рождественского, «образом научного предмета». Отмечается, что научная фразеология формируется теми же способами, что и поэтическая, но функционально отличается от нее. Методом описательного анализа выявлены ассоциативные и метафорические поля ключевых для лингвистики терминов. Установлено, что научное мышление опирается на образы языкового движения, языка-пространства и языка-социального явления. Авторы полагают, что обращение к смежным дисциплинам (лингвоперсонологии и истории филологии) позволяет разработать фрагменты общей на определенном историческом этапе научной картины мира, а в период смены научных парадигм увидеть характер их изменений. Принципиально важна в статье идея о воспроизводимости образа не как «украшения» речи, но средства «образной когезии» (И. Р. Гальперин), способа хранения и передачи информации. Делается вывод о том, что образная парадигматика влияет на формирование языковой личности ученого-филолога.

Ключевые слова: научный текст; когнитивная метафора; язык лингвистики; история языкознания; семантика; научная фразеология.

1. Введение

Одним из аспектов современной лингвоперсонологии является рефлексия над языком и стилем отечественной филологии, история которой представляет собой несомненную ценность книжной культуры. По В. В. Виноградову, в идеальном образе исследователя, который он видел в А. А. Шахматове, сочетаются «созерцатель, художник и неутомимый борец» и «два лика — Буслаевский и Фортунатовский» [Виноградов, 1922, с. 12]. Л. В. Щерба считал, что «в старой России было три замечательных лингвиста: А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ» [Щерба, 1963, с. 89]. Современный интерес к «филологии духа» [Никитин, 2018] стал своеобразной реакцией на конъюнктуру в науке в предшествующие десятилетия, когда ученый непременно входил то в «передовой отряд советских лингвистов» (в период риторики 30-60-х годов XX века), то в «круг представителей научной школы» или направления (конец XX — начала XXI столетий). Поиск не обезличенных, но интеллектуально и духовно высоких вершин и идеалов в науке — примета нашего времени.

Предметом изучения статьи является образная парадигматика филологического стиля, в частности его виноградовского дискурса, в переходную историческую эпоху — после господства марризма и «культы личности» (с начала 50-х до конца «оттепели» в 60-х годах XX века), характеризовавшуюся современниками как период большой творческой активности. В это время в журналах «Вопросы языкознания», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», «Филологические науки» публикуются работы, посвященные основным направлениям лингвистики, по материалам которых активно проводятся дискуссии, большую часть из них инициирует В. В. Виноградов. Прежде всего это были проблемы возникновения русского языка, содержания стилистики и языка художественной литературы как научных дисциплин, фразеологии, синтаксиса, формального метода в лингвистике, структурализма. Помимо широко известных работ академика Виноградова, обсуждались статьи Р. И. Аванесова «К вопросам образования русского национального языка» (1953), В. Г. Адмони, Р. А. Будагова «О предмете языкознания» (1972), О. С. Ахмановой «Глоссемантика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» (1953), Вяч. Вс. Иванова «Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики» (1968), Ю. С. Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики» (1954), Б. А. Серебrenникова «О путях развития языкознания» (1973) и многие другие.

1950—1960-е годы — это время споров о глобальном понятии системы языка (лексической, грамматической, стилистической), когда исследователи могли уже свободно возвращаться к плодотворным идеям Московского лингвистического кружка 20-х годов. Тенденции новой, более свободной от догматов марксизма-ленинизма науки и стали импульсом к созданию иного облика предмета исследования, к формированию других концепций в сфере лингвостилистики.

2. Об образе субъекта познания в научном тексте

Термин *субъект познания* мотивирован определением научного текста, под которым понимается «не только отдельный стиль, <...> но в первую очередь особым образом организованное изложение, главную роль в котором играет его автор — субъект знания и познания» [Очерки, 1996, с. 10]. Одним из его признаков в русском лингвистическом дискурсе является творческая активность по отношению к воспринимаемой объективной действительности. В силу этого возникает интересная исследовательская проблема стилистической преемственности и новаторства в филологическом дискурсе XIX—XXI веков. Существует связь между мировоззрением ученого, его жизненными приоритетами и системой имплицированных оценок и образов внутри текста, с помощью которых субъект познания идентифицируется как «русский», «советский» или «европейский ученый». Традиционная образность филологических текстов начала XX века позволяла формировать широкий круг оценочных коннотаций и речевой облик экспериментаторов языка.

Научный стиль ученых интересен тем, что, помимо ключевых терминов (*словосочетание, фонема, фразеологическое сращение, ярус языка*), содержит устойчивые фоновые понятия, которые редко бывают поводом для рефлексии и используются в силу словесной традиции (*речевой строй, круг словоизменяемых форм, церковнославянская стихия языка, ступени развития*). Выделим еще и обширную метафорическую периферию (*речевая струя, отголоски значений, здание языка*). Окационализмы долгие десятилетия сохраняют авторство: «упаковочный материал» (Л. В. Щерба), «лингвистическая пыль» (случайная метафора Ф. де Соссюра о глагольной «пыли» становится самостоятельным опорным понятием в грамматическом учении о слове В. В. Виноградова [Виноградов, 1986, с. 255; 373]).

3. Об образе научного предмета

Имплицированный метафорический план текста не только отражает индивидуальный или обобщенный стиль мышления, но и формирует так

называемый «образ предмета науки» [Рождественский, 1996, с. 220], который Ю. В. Рождественский называет семантико-стилевой основой текста — естественно-научной или гуманитарной картинами мира. Путем их сопоставления выделяют следующие качества образа гуманитарной науки: абстрактную пространственно-временную локализацию гуманитарных объектов; их динамику, движение; социальную значимость вещей — «признак исключительно гуманитарной сферы исследования» [Рождественский, 1996, с. 222]. Это совпадает с нашими данными семантического анализа состава фразеологических и образно-стилистических единиц, которые распределяются по трем основным семантическим категориям: пространства, движения, социальной оценки. Лексема *процесс* является наиболее частотной в семантическом поле термина *язык*. Он виделся авторам как *жизнь, рост, природные явления, потоки и течения, стихиши, сплавы, спайки, строительство*, непрерывное направленное движение. Частные явления стилистики и грамматики переносились на пространственные представления: *почву, сцену, картину, круги, ярусы, уровни, сферы, линии, точки, поля, области с их границами и пределами*. Государственная и социальная жизнь отражалось в метафорах *революции, созидания, строительства, борьбы, завоеваний, судьбы*. Так, в лингвистических спорах 30-х годов В. В. Виноградов призывал «<...> **вернуться от схематизма стилистических рассуждений, обезличенных и придушенных какой-то голой армией терминов, к «живой воде»**» (выделено нами. — О. Н., Н. Х.) *языка литературно-художественных произведений*» [Виноградов, 1930, с. 28].

Концепты общественного сознания советского периода проецируются на активность «героев» научного текста — единиц и категорий языка и речи («Грамматическая борьба за признание категории вида» — название параграфа в монографии В. В. Виноградова «Русский язык: грамматическое учение о слове» 1947 года). Образная парадигматика включает: а) базовые когнитивные метафоры ключевых понятий (*язык — картина: рисуется, очерчен, контуры теории*), б) фразеологию (*выступать на сцену, войти в колею*), в) клише (*на широком фоне, клубок проблем*), г) образ (*величественное здание грамматики*).

В настоящее время когнитивные метафоры базового понятия «язык» активно описываются в диссертациях и статьях обычно следующим образом: язык есть *Организм, Объект, Механизм, Конструкт, Дело, Поле, Замкнутое целое (Круг), Вместитель, Чертеж, Картина, Пространство, Процесс, Ткань* и ещё десятки других образов [Плисецкая, 1999]. Метафорика и формирующаяся в ее пределах научная фразеология показывают, что в русском лингвистическом дискурсе два столетия существует и развивается собствен-

ная образная стилистическая система (по аналогии с поэтической идиоматикой и словарями образов в художественной литературе). Научная фразеология также имеет свои особенности в каждый период развития науки.

Личностное отношение ведущего ученого и даже целой научной школы к реальной действительности можно проецировать на отвлечённые идеи — термины и явления языка. Анализ когнитивных метафор и фразеологии позволяет выявить образные парадигмы, которые способны объединить обыденную, научную, философскую картины мира. Ощущение величины, глобальности было свойственно лингвистическому взгляду первой половины XX века: *Мы действительно стоим перед громадной лингвистической проблемой первоочередной важности* [Щерба, 1945, с. 174]. В спорах ученых сложилась развитая система образных единиц идиостиля, с одной стороны, традициями уходящая, в научную стилистику девятнадцатого века, а с другой стороны, принимающая оценки и клише мышления советской эпохи. Особенно ярким примером служит идиостиль В. В. Виноградова [Халикова, 2018]. В его трудах отчетливо видна тенденция к сохранению богатого потенциала русской лингвистической образности научного стиля, как это было принято в сообществе его учителей. Речь классической грамматики и стилистики, поэтики и истории языка, таких ученых-современников, как Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. М. Пешковский и др., интересна тем, что представляла собой высокие образцы переходного этапа между филологической традицией конца XIX — начала XX веков и новой культурой будущего узкоспециального письма конца XX — XXI веков. Качества художественной речи переносятся большими учеными и на их разностороннее научное творчество. Описание грамматического явления часто сочетается с общелитературной фразеологией с яркой образностью: *Непродуктивные типы воспринимаются как выброшенные за борт живой грамматической системы, но еще цепляющиеся за нее* [Виноградов, 1986, с. 369].

Так, *слово* (его *значение*) сообщает *общиe краски жизни, переливает красками, сгущает краски, бледнеет*, отражает *гамму смысловых оттенков*, от него *падает отблеск*, образует *яркий и сложный узор*. Представление о семантике слова и предложения как о «живой краске речи» было свойственно всем русским ученым и встречается во множестве работ.

4. Особенности образной парадигматики на разных этапах развития науки

Метаязыковая рефлексия особенно ярко видна при смене научных парадигм, методологии, зарождении дисциплин. Образность и фразеологич-

ность письма была характерна прежде всего для работ, посвященных «белым пятнам» — плохо изученным наукой проблемам и новаторским гипотезам. Непосредственно для русского языка такими темами были: история языка, структурный метод в лингвистике, стилистика языка (в том числе его фразеология), синтаксическая система. В наше время трудно представить величину той задачи, о которой писал В. В. Виноградов в середине 1940-х: «Объём и задачи грамматики не очерчены еще с достаточной ясностью» [Виноградов, 1986, с. 13]. В послевоенный период русистика старалась выработать целостное представление о грамматике, тексте, о частях речи, о стилистике. До этого, в послереволюционный период, — четко определить основные категории поэтики, языка писателя (с одной стороны, формалисты ОПОЯЗа, с другой — В. В. Виноградов, с третьей — марксистские теоретики вроде В. М. Фриче). По этой причине приходилось использовать семантический потенциал ассоциативности. Время поиска работающей парадигмы, закона, отчетливых границ описываемых категорий заставляет опираться на еще зыбкое знание, интуицию с ее ассоциативным потенциалом. Из воспоминаний Л. Я. Гинзбург: «Ожегов рассказывал мне, как Виноградов говорил в университете о том, что, когда наука еще не существует, она склонна открывать множество законов.

— Это совершенно естественное явление. Вот когда недавно начала создаваться научная поэтика, то находили законы на основании одного произведения. Так и бегали звонить друг другу по телефону: Я открыл закон!» [Гинзбург, 2002].

В период научных прозрений и «начал» в речи крупных ученых нередко встречаются своеобразные «стихотворения в прозе» о языковых явлениях, насыщенные стилистическими средствами. *Интонационные средства отличаются подвижным, свободным характером. Они наслаиваются сложными прихотливыми узорами на звуковые средства, не срастаясь с ними в определенные типы связи, а, напротив, расходясь с ними на каждом шагу; они, так сказать, блуждают по грамматической поверхности языка* [Пешковский, 1928, с. 475]. В результате в такой научной прозе как одно из необходимых ее качеств возникает явление «образной когезии» [Гальперин, 2019, с. 81], то есть передачи сложной мысли через сцепку общепринятых метафор, что позволяло синтезировать неотчетливые разрозненные впечатления в целостное смысловое единство для обмена большим объемом информации в процессе научного творчества. Говорящий связывает явления действительности не логически, а образами, которыми эти предметы-явления устойчиво изображаются. Так, «водная» метафора позволяла виноградовской школе осмысливать процессы формирования

композиционно-речевых структур в языке художественной литературы и формо- и словообразования в грамматике: *При изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те разнообразные **ручьи и потоки**, которые с разных сторон — из глубин народной жизни и УНТ, из быта и культуры разных социальных слоев общества, из разных областей профессионального труда — несут новые формы выражения и выразительности, новые мысли и предметы, новые слова и значения в море литературного языка* [Виноградов, 1974, с. 200]. Сравните с типичным фрагментом из другой работы со схожей семантикой образа: *<...> и некоторые продуктивные категории имен существительных <...> оказываются свежими грамматическими **резервуарами, из которых льётся широкий поток** форм в класс наречий. <...> А навстречу этому течению снова движется живая струя лексических неологизмов и заимствований в форме наречий, **несущихся в литературную речь** из разных социальных диалектов* [Виноградов, 1986, с. 318—319].

Образные парадигмы группируются вокруг основных научных концептов, связанных оппозитивно (*Язык и Речь, Слово и Предложение, Язык и Стиль, Грамматика и Текст*). Однако с развитием дисциплины и отчетливым, глубинным пониманием описываемого явления, когда эмпирическое заменяется уже стадией абстрагирования, метафорический элемент мышления исчезает. Так произошло с понятием *система / строй языка*. Метафора полностью стирается, переходя в область научной фразеологии и клиширования. В этом отношении интересно проследить, какие именно когнитивные метафоры, связанные с образом языка и выработанные в трудах классиков филологии, претерпели процесс затухания при усилении частотности употребления стертой семантики и превращения в клише. Так, если в XIX веке был возможен «бунт глаголов», которые «пользуются самую широкою свободой», «подвергаются произволу и насилию» [Некрасов, 1865, с. 25, 16], то к началу 1970-х в большинстве работ по грамматике, фразеологии отчетливо мыслится уже «языковой механизм, управляющий специфическими законами лингвомеханики» [Серебренников, 1973, с. 514]. Устойчивые клише типа *морфологический механизм, механизм спряжения, ключ к морфологии* теряют налет какой бы то ни было индивидуальности и имеют стертую метафоричность.

5. Смена образных парадигм под влиянием социальных клише (от личности — к социальной общности)

Во время дискуссий 50—60-х годов XX века (в журналах «Вопросы языкознания», «Вопросы литературы») все указанные явления существовали

в причудливом переплетении. Однако отход от описания значения отдельных единиц в область парадигматики и целостных систем грамматики, тенденция к превращению личности в часть научного сообщества, в участника «передового отряда советских лингвистов» на «передовом фронте борьбы за / против», приоритет естественно-материалистической (технической, физической и математической) картины мира в 1950—1960-е годы оживляют метафору структуралистов *язык (система) — механизм, объект, инструмент*. Таким образом, первая из трех названных нами в п. 3 семантическая доминанта «язык — движение» меняет семантику почти фольклорного образа *пути / дороги* на механистическое движение — образ *механизма*.

Вторая доминанта «язык — пространство» заметно трансформирует метафорику естественного пространства (*почва, дерево, поле, река, зерно, картина, краски, клубок*) на геометрическую (*объем, грань, линия, точка, граница, круг, предел, вертикаль* (парадигмы), *горизонтальное* (синтагматика), *квадрат, треугольник*). Показательно, что в это время вспыхивают дискуссии о «дегуманизации» науки и упреки в «антиисторичности» как попытка осмыслить смену «живого» и «мертвого». «Лингвисты, которым язык представляется элементарной знаковой системой, подобной светофору, объявляют непримиримую борьбу понятию оттенка в лексике, как и в языке вообще. <...> Именно оттенки формируют “душу” синонимов» [Будагов, 1972, с. 408].

Весьма показательно отношение к образной парадигме *язык / языкознание — здание / строительство*, на которое отреагировала фразеология научного стиля. Из девятнадцатого века к двадцатому протянулась и постоянно обыгрывалась эта яркая метафора: в *системе науки о языке, основанной на исторической лингвистике, остались нерешенными <...> основные вопросы описательного анализа системы языка: **рядом с новыми корпусами историко-сравнительного языкознания, воздвигнутыми в XIX в., продолжали и продолжают стоять здания филологической (и рациональной) грамматики, отстроенные в основном до нашей эры, в древней Александрии. Архитектурный ансамбль выглядит весьма своеобразно. Попытки подновить эти старые здания подпорками из логических понятий, в дальнейшем же понятиями индивидуальной психологии, существенных изменений в положение дела не внесли*** [Чикобава, 1966, с. 57].

Лексико-семантическое поле этой парадигмы было основано на противопоставлении «строить» — «разрушать» и первоначально включало большое количество слов-образов с живой метафорой *постройка, строение, воздвигаться, ступени, здание, лазейка, хрупкое, мощное, стройное, красивое, величественное, на развалинах, отделения (помещения), искрив-*

ление, ломать, рушить, мельчайшие детали отделки, складочное место, кирпичи, архитектор, размер, материалы, строительный материал, фундамент. Эта метафорика, перекликающаяся с «языковым строительством» XX века, стиралась, теряла в количестве элементов, застывала компонентами фразеологических единиц, постепенно переходя в публицистическое клише. В конце концов в функции образа стилистическая единица остается только в памятных речах, адресах. Например, в рассуждении В. В. Виноградова о двух типах лингвистов: *Для одних суть исследования в **построении отдельных лингвистических зданий** или воспроизведении картин, отражающие частные проявления разнообразного языкового строительства. Общие проблемы языковедения таким лингвистам служат лишь **ле-сами при постройке их здания**, или правилами перспективы* [Виноградов, 1951, с. 31]. К концу 1970-х этот образ исчезает из дискуссий в связи с тем, что общие вопросы грамматики и лексики в целом были решены — «построены», и в научном стиле остались реликтовые фраземы и идиоматизмы только со стертой образностью: *положить фундамент, в основе построений, класть в основу построения, пройти все ступени, краеугольный камень*. В работах В. В. Виноградова эта метафора остается в виде фонового индивидуально-авторского термина «словосочетание — лишь строительный материал для предложений» [Виноградов, 1954, с. 498].

6. Развитие научной фразеологии

Ядро научной фразеологии формируется в данный период преимущественно геометрической метафорой. В других случаях фразеологизм выступает как средство социальной оценки («свой» — «чужой»). Слова-образы *круг, линия, граница, область, уровень, ярус, грань* полностью стерли переносный смысл, превратились в клишированные конструкции и фоновые термины, такие как *класть резкую грань, стирать грани, включить в круг, на одной линии, замкнуть круг, семантический объем*. Фразеология с механистическим и социологическим взглядом на язык как отчужденный от личности объект исследования (*вещество, химическое соединение, механизм, инструмент, орудие, арсенал, склад, инвентарь*) создает новую примету научного стиля: *арсенал форм, вести наступление, вступить в борьбу, встречать противодействие, включить в строй, армия слов, языковая техника, «запасные» формы, «грамматическое горнило», сплав форм, инвентарь стилистических средств*). Классическая метафорика языка-организма, *древа, растения, зерна, потока, реки, сцены, картины* почти полностью стирается в фоновой терминологии с этими компонентами: *выступить на сцену, сливаться (с чем — о значении), всплыть на по-*

верхность, рациональное зерно, в потоке речи, течение действия, в русле (чего).

7. Заключение

Дискуссионный вопрос о том, может ли наука позволить себе использовать экспрессию образности, решается по-разному. Так, немецкий философ и филолог Х. Вайнрих назвал три «запрета» для научного дискурса: «Ученый не говорит “я”»; «Ученый не рассказывает»; «Ученый не использует метафор» [Weinrich, 2001, S. 232—235]. Положительную точку зрения высказывают многие ученые [Флоренский, 2000; Никитина, 2014]. Наблюдения над речью ведущих отечественных лингвистов и литературоведов XX века позволяют сделать вывод о том, что имплицитная образность русского филологического дискурса, насыщенного стереотипными метафорическими сочетаниями и фоновыми терминами, является устойчивым ярким признаком национальной интеллектуальной культуры. Образ гуманитарной науки в трудах ученых XX века стремится к особому рода двуплановости текста. Второй план реализуется через устойчивые когнитивные метафоры базовых научных концептов, которые варьируются и неявно отражают тип мышления, личности ученого, его кругозор, мировоззрение, систему оценок, дух эпохи. В научном мышлении имплицитный образ выполняет функцию интеллектуальной гипотезы. П. А. Флоренский высказывал интересный принцип инвариантности материального мира: предмет всегда один, но его образов-описаний — множество. Они могут быть воплощены «и в абстрактные символы математики, и в конкретные образы механики» [Флоренский, 2000, с. 112]. Ему, стоявшему «у водоразделов мысли», пришла идея создавать особый тип словаря науки — «Symbolarium» (1923) [Флоренский, 1996], который отражал бы зрительные геометрические образы в качестве общенаучных понятий.

В русской научно-философской мысли был выработан определенный филологический стиль с устойчивой олицетворяющей («жизнь языка») и опредмечивающей («механизмы языка») метафорикой для базовых концептуальных понятий. Семантика активного движения в различных ипостасях является первой, основной доминантой образного представления о языке в русской науке. Метафора природной стихии, индивидуального «пути» и «роста» в советский период заметно коннотируется социальными оценками. Вторая семантическая доминанта пространства традиционно включает визуальные формы и параметры внешнего облика природы: *дали, близи, высоты и глубины*, которые отчетливо вытесняются геометрической метафорикой. *Язык — социальное* становится третьей ипоста-

сю ассоциативного образа предмета языкознания на втором плане текста. Проанализированные нами дискуссии показали, что проблема образности как лингвостилистической категории научного текста находилась на подъеме интеллектуальных усилий наших современников, сделавших во многом прорыв в науке как раз в послевоенное время, а затем укрепивших эти позиции в конце XX столетия. Значит, лингвистическая метафорика, образность «строгого» текста постепенно стали неотъемлемой частью формирующейся новой стилистики филологической науки и вошли в ее предмет как персонифицированные категории языка исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р. А. О предмете языкознания / Р. А. Будагов // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — 1972. — Т. 31, № 5. — С. 401—412.
2. Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов / В. В. Виноградов. — Петербург : Колос, 1922. — 80 с.
3. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1954. — № 3. — С. 3—24.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1974. — 312 с.
5. Виноградов В. В. О художественной прозе / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград : Наука, 1930. — 186 с.
6. Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы / В. В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944) : сборник статей. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1951. — С. 31—62.
7. Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — Москва : Высшая школа, 1986. — 639 с.
8. Винокур Г. О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) / Г. О. Винокур // Русская речь. Новая серия. — Ленинград : Academia, 1928. — Вып. 3. — С. 75—93.
9. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : ЛЕНАНД, 2019. — 144 с.
10. Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Эссе [Электронный ресурс] / Л. Я. Гинзбург // LibCat.ru. — Режим доступа : <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/220710-lidiya-ginzburg-zapisnye-knizhki-vospominaniya-esse.html> (дата обращения 13.09.2020).
11. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов. — Санкт-Петербург : В тип. и литогр. Паульсона и К^о, 1865. — 314 с.
12. Никитин О. В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (к 200-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. — 2018. — Т. 79, № 5. — С. 79—86. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86.
13. Никитин О. В. Штрихи к лингвистическому портрету А. М. Пешковского в контексте научной полемики его времени О. В. Никитин // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2019. — Т. 64, № 1. — С. 1—28. — DOI: 10.1556/060.2019.64111.
14. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки : на материале лингвистики / С. Е. Никитина. — Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2014. — 141 с.

15. *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX веков* / ред. М. Н. Кожина. — Т. 2, Ч. 1. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1994. — 390 с.
16. *Пешиковский А. М.* Интонация и грамматика / А. М. Пешковский // *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР*. — 1928. — Т. 1, Кн. 2. — С. 458—476.
17. *Плисецкая А. Д.* Эволюция концепта «язык» в лингвистической науке XX века : дис. ... канд. филолог. наук / А. Д. Плисецкая. — Москва, 1999. — 309 с.
18. *Рождественский Ю. В.* Образ предмета науки / Ю. В. Рождественский // *Общая филология*. — Москва : Новое тысячелетие, 1996. — С. 216—224.
19. *Серебренников Б. А.* О путях развития языкознания / Б. А. Серебренников // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. — 1973. — Т. 32, № 6. — С. 513—518.
20. *Флоренский П. А.* Symbolarium (словарь символов). Вып. 1. Точка / П. А. Флоренский // *Сочинения* : в 4 т. Т. 2. — Москва : Мысль, 1996. — С. 564—590.
21. *Флоренский П. А.* Образ и слово / П. А. Флоренский // *Сочинения* : в 4 т. Т. 3. — Москва : Мысль, 2000. — 621 с.
22. *Халикова Н. В.* Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В. В. Виноградова / Н. В. Халикова // *Русский язык в школе*. — 2018. — № 9. — С. 61—66. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66.
23. *Чикобава А.* К вопросу о путях развития современной лингвистики / А. Чикобава // *Вопросы языкознания*. — 1966. — № 4. — С. 45—61.
24. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. — 1945. — Т. 4, № 5. — С. 173—186.
25. *Щерба Л. В.* Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке / Л. В. Щерба // *Вопросы языкознания*. — 1963. — № 5. — С. 89—93.
26. *Weinrich H.* Formen der Wissenschaftssprache / H. Weinrich // *Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001*. — Tübingen : Narr, 2001. — S. 221—252.

IMAGE OF SUBJECT OF RESEARCH IN DISCUSSIONS ON THE RUSSIAN OF SOVIET PERIOD (IMAGERY AS A LINGUISTIC AND STYLISTIC CATEGORY OF A SCIENTIFIC TEXT)

© **Natalia V. Khalikova (2021)**, orcid.org/0000-0003-4415-8179, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian, Moscow Region State University (Mytishchi, Russia), nathalik@mail.ru.

© **Oleg V. Nikitin (2021)**, orcid.org/0000-0003-2815-6691, Scopus AuthorID 57209316536, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia) olnikitin@yandex.ru.

Imagery is viewed as a hidden linguistic-stylistic category of a scientific text, the explication of which depends on the characteristics of the individual speech culture and the time of understanding the problem. The connection between scientific thinking and the figurativeness

of the text is shown. It was determined that the imagery of a scientific text, in contrast to an artistic one, is not associated with the reproductive register of speech, it is formed by two linguistic and stylistic categories: the image of the subject of knowledge and, according to Yu. V. Rozhdestvensky, "the image of a scientific subject". It is noted that scientific phraseology is formed in the same ways as poetic, but functionally different from it. The method of descriptive analysis revealed the associative and metaphorical fields of the key terms for linguistics. It has been established that scientific thinking is based on images of language-movement, language-space and language-social phenomenon. The authors believe that an appeal to related disciplines (linguistic personalology and the history of philology) makes it possible to develop fragments of a common scientific picture of the world at a certain historical stage, and to see the nature of their changes during the period of scientific paradigms change. The idea of the reproducibility of an image not as a "decoration" of speech, but a means of "figurative cohesion" (I. R. Galperin), a way of storing and transmitting information is fundamentally important in the article. The conclusion that the figurative paradigmatics influences the formation of the linguistic personality of the scientist-philologist is made.

Key words: scientific text; cognitive metaphor; language of linguistics; history of linguistics; semantics; scientific phraseology.

REFERENCES

- Budagov, R. A. (1972). O predmete yazykoznaniya [About the subject of linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language], 31 (5): 401—412. (In Russ.).
- Chikobava, A. (1966). K voprosu o putyakh razvitiya sovremennoy lingvistiki [The ways of development of modern linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], 4: 45—61. (In Russ.).
- Florenskiy, P. A. (1996). Symbolarium (slovar' simvolov). Tochka [Symbolarium (dictionary of symbols). Dot]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moskva: Mysl. 4/2: 564—590. (In Russ.).
- Florenskiy, P. A. (2000). Obraz i slovo [Image and word]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moskva: Mysl. 621 p. (In Russ.).
- Galperin, I. R. (2019). *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moskva: LENAND. 144 p. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (2002). Zapisnye knizhki. Esse [Notebooks. Essay] In: *LibCat.ru*. Available at: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/220710-lidiya-ginzburg-zapisnye-knizhki-vospominaniya-esse.html> (accessed 13.09.2020). (In Russ.).
- Khalikova, N. V. (2018). Obrazno-metaforicheskoe prostranstvo termina v yazyke nauchnykh tekstov V. V. Vinogradova [Imagery and metaphorical space of the term in the language of scientific texts by V. V. Vinogradov]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 79 (9): 61—66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1994). *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII—XX vekov* [Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII—XX centuries]. Perm: Izd-vo Permskogo un-ta. 2/1. 390 p. (In Russ.).
- Nekrasov, N. P. (1865). *Oznachenii form russkogo glagola* [The meaning of the forms of the Russian verb]. Sankt-Peterburg: V tip. i litogr. Paulsona i K°. 314 p. (In Russ.).

- Nikitin, O. V. (2018). «Filologiya dukha». Fedor Ivanovich Buslaev kak yazykovaya lichnost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) ["Philology of spirit". Fedor Ivanovich Buslaev as linguistic persona (for 200th anniversary of the birth)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 79 (5): 79—86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86. (In Russ.).
- Nikitin, O. V. (2019). Shtrikhi k lingvisticheskomu portretu A. M. Peshkovskogo v kontekste nauchnoy polemiki ego vremeni [Notes to the linguistic portrait of A. M. Peshkovsky in the context of scientific debates of his time]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 64 (1): 131—158. DOI: 10.1556/060.2019.64111. (In Russ.).
- Nikitina, S. E. (2014). *Semanticheskiy analiz yazyka nauki: na materiale lingvistiki* [Semantic analysis of the language of science: on the material of linguistics]. Moskva: URSS: LIBROKOM. 141 p. (In Russ.).
- Peshkovskiy, A. M. (1928). Intonatsiya i grammatika [Intonation and grammar]. *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Russian language and literature of the USSR Academy of Sciences], 1 (2): 458—476. (In Russ.).
- Plisetskaya, A. D. (1999). *Evolutsiya kontsepta «yazyk» v lingvisticheskoy nauke XX veka: PhD Diss.* [Evolution of the concept "language" in linguistic science of the twentieth century. PhD Diss.]. Moskva. 309 p. (In Russ.).
- Rozhdestvenskiy, Yu. V. (1996). Obraz predmeta nauki [Image of the subject of science]. In: *Obshchaya filologiya* [General philology]. Moskva: Novoe tysyacheletie. 216—224. (In Russ.).
- Serebrennikov, B. A. (1973) O putyakh razvitiya yazykoznaniya [On the ways of development of linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 32 (6): 513—518. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1945). Ocherednyye problemy yazykovedeniya [The next problems of linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language], 4 (5): 173—186. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1963). F. F. Fortunatov v istorii nauki o yazyke [F. F. Fortunatov in the history of the science of language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 5: 89—93. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1922). *Aleksey Aleksandrovich Shakhmatov*. Peterburg: Kolos. 80 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1930). *O khudozhestvennoy proze* [About fiction]. Moskva; Leningrad: Nauka. 186 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1951). Obshchelingvisticheskie i grammaticheskie vzglyady akademika L. V. Shcherby [General linguistic and grammatical views of Academician L. V. Shcherba]. In: *Pamyati akademika Lva Vladimirovicha Shcherby (1880—1944): sbornik statey* [In memory of academician Lev Vladimirovich Shcherba (1880—1944): collection of articles]. Leningrad: Izd-vo LGU. 31—62. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1954). Voprosy izucheniya slovosochetaniy [Questions of the study of phrases]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], 3: 3—24. (In Russ.).

- Vinogradov, V. V. (1974). *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moskva: Nauka. 312 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language: (Grammatical teaching about the word)]. (3nd ed.). Moskva: Vysshaya shkola. 639 p. (In Russ.).
- Vinokur, G. O. (1928). Glagol ili imya? (Opyt stilisticheskoy interpretatsii) [Verb or name? (Experience in stylistic interpretation)]. In: *Russkaya rech. Novaya seriya* [Russian speech. New episode]. 3: 75—93. (In Russ.).
- Weinrich, H. (2001). Formen der Wissenschaftssprache In: *Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001*. Tübingen: Narr. 221—252.